

Агата

Кристи

Немезида

HEMEZIDA

Дафне Ханибоун

Глава 1

УВЕРТЮРА

Вечерами, согласно заведенному ею самой обычаю, мисс Джейн Марпл разворачивала свою вторую газету. Каждое утро в ее дом приносили две газеты. Первую мисс Марпл прочитывала за ранним утренним чаем — в том случае если газету доставляли вовремя. Разносивший газеты мальчишка был известен своим вольным обращением со сроками. Впрочем, его часто заменял новый мальчишка или же временный заместитель первого. И у каждого из них имелись собственные представления относительно географических особенностей выбранного им маршрута доставки. Быть может, подобным образом они разнообразили собственную жизнь. Однако те из подписчиков, кто имел обыкновение прочитывать газеты пораньше, чтобы успеть ознакомиться с самыми сочными из ежедневных новостей, прежде чем погрузиться в автобус, поезд или другое удобное для себя средство передвижения к месту повседневной работы, бывали раздосадованы опозданием газеты, хотя многие пожилые леди и дамы средних лет, мирно обитавшие в Сент-Мэри-Мид, чаще предпочитали прочитывать газету за накрытым для завтрака столом.

Сегодня мисс Марпл ознакомилась с первой страницей и несколькими другими статьями ежедневной газеты, которую она именovala «Ежедневной всячиной», сатирическим образом осмысляя тот факт, что эта газета — «Ежедневные новости» — в результате смены владельца, к ее собственному и подруг великому разочарованию, теперь занялась публикацией статей о женской и мужской моде, дамских кумирах, детских конкурсах и жалостливых писем от дам, при этом умудрившись задвинуть реальные новости с любой части первой страницы в какой-нибудь дальний уголок, где их просто невозможно было найти. Мисс Марпл, особа старомодная, считала, что газеты должны оставаться газетами и прежде всего обязаны снабжать читателя новостями.

После полудня, отобедав, позволив себе минут так с двадцать вздремнуть в

специально приобретенном кресле с прямой спинкой, удовлетворявшем запросы ее ревматической спины, она открыла номер «Таймс», пригодный для более ленивого чтения. Не то чтобы «Таймс» оставалась прежней. Она раздражала тем, что теперь в ней вообще нельзя было ничего найти. Прежний освященный временем порядок, позволявший по прочтении первой страницы получить нужные указания и направиться к статьям на интересующие тебя темы, теперь нарушался самым нахальным образом. Две страницы ни с того ни с сего были отведены обильно иллюстрированному путешествию по Капри. Куда большее место, чем в прежние времена, было отведено спорту. Новости королевского двора и некрологи следовали обыкновению в несколько большей мере. Сообщения о рождениях, браках и смертях, раньше занимавшие внимание мисс Марпл прежде всего благодаря их заметному положению, отныне переместились в другую часть газеты и теперь, по ее мнению, почти постоянно занимали последнюю страницу.

Прежде всего мисс Марпл уделила внимание основным новостям на первой странице. Она не стала долго задерживаться на них, поскольку соответствующие сообщения прочла еще утром — правда, изложенные в несколько менее солидной манере, чем это делала «Таймс». Потом быстро просмотрела содержание — статьи, комментарии, наука, спорт, — после чего, последовав своей обыкновенной схеме, обратилась к последней странице и бегло окинула взглядом известия о рождениях, браках и смертях, а затем открыла страницу с корреспонденциями, где почти всегда обретала нечто приятное; далее она занялась «Протокольными мероприятиями Двора»^[1], на одной странице с которыми соседствовали новости аукционов. Там же нередко обнаруживалось короткое сообщение на научные темы, которое она читать не намеревалась. Подобные вещи редко интересовали ее.

Как обычно, повернув к себе газету последней страницей с сообщениями о рождениях, браках и смертях, мисс Марпл произнесла про себя привычные слова: «Как это ни печально, но в наши дни настоящий интерес представляют только сообщения о смертях».

Сперва шли сообщения о рождениях, однако те, у кого появлялись на свет дети, не были известны мисс Марпл даже по фамилиям. Если бы имеющая отношение к новорожденным колонка трактовала их как чьих-нибудь внуков, имелись бы шансы на кое-какие удовольствия. В таком случае она

имела бы возможность подумать про себя: «Ого, у Мэри Прендергаст родилась третья внучка!», хотя, возможно, подобный факт и не представляет существенного интереса.

Пробежав взглядом раздел свадеб, также не слишком внимательно, поскольку в большинстве своем дочери и сыновья ее подруг давно уже переженились, мисс Марпл добралась до траурного столбца, к которому отнеслась куда более дотошно. А точнее, прочла, стараясь не упустить ни единой фамилии. Алловей, Ангопастро, Арден, Бартон, Бедшоу, Бурговайссер... (боже мой, что за германское имечко, откуда такой господин в Лидсе)... Карпентер, Кампердаун, Клегг... Клегг? Не из знакомых ли ей Клеггов? Нет, не похоже. Джанет Клегг, из Йоркшира. Макдональд, Маккензи, Николсон... Николсон? Нет, опять не из знакомых ей Николсонов.

Огг, Ормерод... должно быть, одна из тетушек, подумала она. Да, наверное. Линда Ормерод. Нет, с ней она не знакома. Квонтрил? Боже мой, это же Элизабет Квонтрил. Восемьдесят пять. Ну и ну! А она-то думала, что Элизабет Квонтрил уже умерла несколько лет назад. Надо же, сколько прожила! А всегда была такая хрупкая. .. Никому и в голову не могло прийти, что она протянет так долго. Райс, Радли, Рэффел. Рэффел? В памяти шевельнулось нечто. Эта фамилия показалась ей знакомой. Рэффел. Белфорд-парк, Мейдстоун. Белфорд-парк, Мейдстоун... Нет, подобный адрес ей неизвестен. Никаких цветов. Джейсон Рэффел. И в самом деле, необычная фамилия... Пожалуй, она где-то слыхала ее. Росс-Перкинс. Ну, это может быть... нет, не может. Райленд? Эмили Райленд. Нет. Нет, она не была знакома с Эмили Райленд. Искренне любимой мужем и детьми. Что ж, очень хорошо — или весьма прискорбно. С какой стороны посмотреть.

Мисс Марпл отложила газету, пробежав праздным взглядом кроссворд, и попыталась все-таки вспомнить, почему фамилия Рэффел кажется ей знакомой.

— Я это вспомню, — заключила мисс Марпл на основании долгого знакомства с методикой работы памяти у стариков. — Вспомню, не сомневаюсь.

Она глянула из окошка в сторону сада, отвела взгляд и попыталась выбросить это из памяти. Собственный садовый участок в течение уже

многих, многих лет являл собой для мисс Марпл источник великого удовольствия и место усердного труда. Однако теперь — благодаря мнительности врачей — работа в саду стала ей недоступна. Однажды она попыталась пренебречь этим запретом, но была вынуждена прийти к выводу, что, в конце-то концов, спокойнее следовать их рекомендациям. Так что она переставила свое кресло под таким углом, чтобы сад не был виден ей, кроме как в случае четкого и ясного желания рассмотреть в нем нечто конкретное. Вздохнув, мисс Марпл взяла в руки сумочку с вязанием и достала из нее уже почти готовую крохотную шерстяную детскую кофточку. Спинка и перед уже были готовы, оставалось довязать рукава. Последнее всегда было неприятно ей. Два совершенно одинаковых рукава. Подумать только, какая скука. Впрочем, какая милая розовая нитка... Розовая шерсть. Минуточку, к чему это она вспоминает? Да... да, в связи с упомянутым в газете именем. Розовая шерсть. Синее море. Карибское море. Песчаный пляж. Солнце. Она вяжет, и тут же, конечно, мистер Рэфель. Это было то самое путешествие на Карибы, на остров Сент-Оноре. Предпринятое благодаря любезности ее племянника Реймонда. И еще Джоан, ее невестка, жена Реймонда сказала тогда: «Тетя Джейн, не надо вам больше вмешиваться во всякие убийства. Это вам не полезно».

Ну, она, собственно, и не собиралась снова вмешиваться в любые убийства, однако все произошло без ее согласия. Просто так произошло. Потому лишь, что пожилой майор со стеклянным глазом принялся рассказывать ей долгие и скучные истории. Бедный майор... как там его звали? Она забыла. Мистер Рэфель и его секретарша, миссис... миссис Уолтерс, да, Эстер Уолтерс, а еще его массажист и помощник Джексон. Все вернулось. Так, хорошо. Бедный мистер Рэфель. Итак, мистер Рэфель мертв. Ему было известно, что долго он не проживет. По сути дела, он сам и сказал ей об этом. Похоже, что мистер Рэфель протянул больше, чем сулили врачи. Он был сильным человеком... упрямым и очень богатым.

Мисс Марпл погрузилась в размышления. Вязальные спицы мерно шевелились в ее руках, однако мысли ее были далеки от вязания. Ум ее был обращен к покойному мистеру Рэфелю, к тем воспоминаниям о нем, которые сохранились в ее памяти. На самом деле человека этого было трудно забыть. Мисс Марпл без труда могла представить себе его внешность... бесспорно очень яркая личность... трудный, раздражительный мужчина, подчас кошмарно грубый. Впрочем, никто не был в претензии на его грубость. Теперь она вспомнила и это. На грубость его не обращали

внимания, потому что он был настолько богат. Действительно... очень, очень богат. Он возил с собой секретаршу и слугу, опытного массажиста. Ему трудно было обходиться без чьей-нибудь помощи.

А вот этот самый помощник — личность сомнительная, припомнила мисс Марпл. Иногда мистер Рэфьел обходился с ним весьма бесцеремонно. И того это не возмущало. Опять-таки потому, что мистер Рэфьел был настолько богат.

— Никто не будет платить ему и половины того, что плачу я, — говаривал мистер Рэфьел, — впрочем, ему это известно.

Интересно, задумалась мисс Марпл, а остался ли с ним этот самый Джексон? Или все-таки Джонсон? Остался... на сколько же это выходит... еще на год? На год и три или четыре месяца. Скорее всего, нет: мистер Рэфьел был не из тех, кому нравится постоянство. Он уставал от людей, уставал от их привычек, уставал от их лиц, от их голосов.

Мисс Марпл понимала его. Она и сама подчас ощущала нечто подобное. Взять эту ее компаньонку, милую, внимательную женщину, так раздражавшую ее своим воркующим голоском.

— Ах, — произнесла мисс Марпл, — как все с тех пор переменялось к лучшему ... — О боже, она забыла ее имя... мисс — Бишоп? Ну нет, конечно, не мисс Бишоп. Но почему ей пришла в голову именно эта фамилия. Боже, ну как все сложно!..

Мысли ее вновь обратились к мистеру Рэфьелу и к... нет, это был не Джонсон, это был Джексон, Артур Джексон.

— Боже мой, — вновь произнесла мисс Марпл, — всегда я путаю имена. И, конечно же, я думаю о мисс Найт, а не о мисс Бишоп. Но почему она припомнилась мне как мисс Бишоп?

Ответ немедленно осенил ее. Виноваты шахматы. Шахматные фигурки. Слон и ладья[2].

— В следующий раз она вспомнится мне как мисс Кастл или мисс Рук. Хотя она не из тех, кто станет мошенничать.

Нет, конечно. А как звали эту милую секретаршу мистера Рэ-фьела? Ах да, Эстер Уолтерс. Правильно. Хотелось бы знать, как поживает сейчас Эстер Уолтерс... Ей завещали деньги? Ей должна была отойти какая-то сумма.

Мистер Рэфьел, вспомнила мисс Марпл, что-то говорил ей об этом, или же это сделала сама Эстер... о боже, как все перепутывается, когда ты пытаешься припомнить прошлое по возможности точно. Эстер Уолтерс. Карибская история стала для нее тяжелым ударом, однако она перенесла его. Она же была вдовой, так ведь? Мисс Марпл надеялась, что Эстер Уолтерс снова вышла замуж за доброго, хорошего, надежного человека. Впрочем, едва ли. Эстер Уолтерс, подумала она, обладала талантом симпатизировать таким мужчинам, за которых нельзя выходить замуж.

Мисс Марпл вернулась к размышлениям о мистере Рэфье-ле. Никаких цветов, так было написано. Не то чтобы ей хотелось послать цветы на гроб мистера Рэфьела, который мог бы при желании скупить все оранжереи Англии. И в любом случае, они не состояли в дружеских отношениях, не питали друг к другу особой симпатии. Они были — как это правильно сказать? — союзниками. Да, союзниками на какое-то не слишком продолжительное время. Но очень волнующее время. А он был из тех союзников, которых стоит иметь. Мисс Марпл это понимала. Понимала тогда, на Карибах, когда темной тропической ночью бежала к нему. Да, она помнила: тогда на ней была эта розовая шаль... как же их называли, когда она была молода?., завлекалочка. Прекрасная розовая шерстяная шаль, которую она накинула себе на голову; взглянув на нее, он рассмеялся, а потом, когда она произнесла — воспоминание заставило мисс Марпл улыбнуться — некое слово, он снова рассмеялся. Но потом уже ему было не до смеха. Нет, он сделал то, о чем она просила его, и поэтому... «Ах!» — вздохнула мисс Марпл; все это было — она не могла не признать этого — очень волнительно. И она никогда не рассказывала обо всей этой истории своему племяннику или дорогой Джоан, потому что, в конце концов, именно этого они и просили ее не делать, правда? Мисс Марпл качнула головой, а потом негромко произнесла:

— Бедный мистер Рэфьел; надеюсь, что он не слишком страдал.

Возможно, он действительно не так уж страдал. Не исключено, что жизнь его в последние дни облегчали дорогие болеутоляющие средства. Тогда, в те недели, проведенные им на Карибах, он почти все время мучился. Боли не отпускали его. Какой отважный человек! Действительно отважный. Ей было жаль, что он умер, потому что, по ее мнению, пусть он и был немолодым, больным, практически инвалидом, в результате его ухода мир потерял нечто существенное. Мисс Марпл не имела никакого представления о том, каким был Рэфьел в своем деле. Наверное, жестоким, решила она, грубым, самовластным и агрессивным. Всегда атакующим. Однако и надежным другом, подумала она. И где-то еще в нем присутствовала глубокая доброта, которую он старался никогда не выпускать на поверхность. Мисс Марпл восхищалась этим мужчиной и уважала его. Что ж, ей жаль, что он ушел; кроме того, она надеялась, что он не слишком переживал по этому поводу и что уход его не был трудным... Теперь его, конечно, кремируют, а прах поместят в какую-нибудь там большую и благопристойную мраморную гробницу. Она даже не знала, был ли женат этот человек. Сам он никогда не упоминал жену или детей. Одиночка? Или жизнь его была настолько полна, что он не нуждался ни в каком одиночестве? Хотелось бы знать.

Тем днем мисс Марпл долго сидела, погрузившись в размышления о мистере Рэфеле. Она не рассчитывала когда-нибудь снова увидеть его после своего возвращения в Англию и действительно больше не встречалась с ним. И все же каким-то странным образом могла в любое мгновение ощутить себя в соприкосновении с ним. Ну, как если бы он обращался непосредственно к ней или предлагал встретиться, ощущая, быть может, связь благодаря спасенной ими жизни или по какой-то другой причине. Но связь.

— Конечно, — проговорила мисс Марпл, ужаснувшись самой идее, пришедшей ей в голову, — нас ведь не может связывать общая жестокость?

А не бывала ли когда-нибудь она сама, Джейн Марпл, безжалостной и жестокой?

— А знаешь, — обратилась она к себе самой, — вообще-то, это нечто... подобное просто никогда не приходило мне прежде в голову. Полагаю, тебе прекрасно известно, что ты умеешь быть жестокой...

Тут дверь отворилась, и в нее просунулась темная и кудрявая головка. Это была Черри, приятная преемница мисс Бишоп... то есть мисс Найт.

— Вы что-то сказали? — осведомилась Черри.

— Я говорила сама с собой, — ответила мисс Марпл. — Мне пришло в голову спросить у себя, умею ли я быть жестокой.

— Что... вы? — отреагировала Черри. — Никогда! Вы — сама доброта.

— И все же, — проговорила мисс Марпл, — полагаю, что я способна проявить жестокость в требующей этого ситуации.

— А какую ситуацию вы сочтете требующей этого?

— Производство правосудия, — заявила мисс Марпл.

— Видела, как вы производили правый суд над юным Гэри Хопкинсом, — заметила Черри. — В тот день, когда застали его мучающим кошку. Никогда не думала, что вы способны на такую бурю! Перепугали его до полусмерти. Он так и не оправился от испуга.

— Надеюсь, что теперь он кошек не мучает.

— Ну, во всяком случае, сперва убедится в том, что вас нет поблизости, прежде чем приступать к этому занятию, — проговорила Черри. — На самом деле, я не очень уверена в этом, поскольку остальные мальчишки сие занятие не забросили. Как посмотришь на вас с этими клубками и хорошенькими вещицами, которые вы вяжете, так и подумаешь, что видишь кроткую овечку. Однако бывают времена, когда, скажу честно, вы превращаетесь во льва, если того требуют обстоятельства.

На лице мисс Марпл проступили некоторые сомнения. Она не могла представить себя в той роли, которую теперь приписывала ей Черри. Случалось ли ей когда-нибудь... Она задумалась, припоминая различные мгновения — действительно, мисс Бишоп-Найт случалось вызывать у нее сильнейшее раздражение. (Нет, в самом деле, нельзя же все время так путать имена.) Однако ее раздражение проявлялось всегда в более или менее иронических репликах. Львы, по понятным причинам, к иронии не прибегают. В них вообще нет ничего иронического. Лев прыгает Лев рычит.

Пользуется своими когтями, отхватывает большие куски от своей добычи...

— Вот что, — проговорила мисс Марпл, — не думаю, чтобы мне когда-нибудь случилось вести себя подобным образом.

В тот вечер, неторопливо прогуливаясь по своему саду, ощущая, как крепнет в ней обычная досада, она вновь обратилась к этой мысли. Возможно, на эту мысль ее навела клумба с львиным зевом. Ну что ж это такое, она все время твердит старику Джорджу, что хочет этот самый антирринум ярко-желтого цвета, а не этого уродливого сиреневого, который так обожают садовники.

— Ярко-желтого цвета, — произнесла мисс Марпл вслух.

Из-за изгороди, отгораживавшей улочку от ее дома, донесся чей-то голос, и к ней повернулась чья-то голова.

— Прошу прощения? Вы что-то сказали?

— Боюсь, что я разговаривала сама с собой, — отозвалась мисс Марпл, выглядывая за изгородь.

Там оказалась незнакомка. А ведь она знала большинство жителей Сент-Мэри-Мид; знала в лицо, если не была знакома. За изгородью стояла крепко сложенная женщина в поношенной, но прочной твидовой юбке и в хороших прогулочных ботинках. Изумрудного цвета пуловер дополнял вязаный шерстяной шарф.

— Увы, в моем возрасте это случается нередко, — добавила мисс Марпл.

— У вас красивый сад, — произнесла незнакомка.

— Теперь уже не очень, — возразила мисс Марпл. — Вот когда я сама могла ухаживать за ним...

— О, я это знаю и в точности понимаю ваши чувства. Должно быть, вы наняли одного из этих любителей... у меня для них много имен, в основном очень грубых — короче, пожилых мужчин, утверждающих, что им все известно про садоводство. Случается, что это действительно так, однако чаще бывает, что они не смыслят в нем ни на грош. Они приходят к вам,

гоняют чай — и самую крохотную малость пропалывают ваш сад. Они очень приятные люди — ну, некоторые из них, — но тем не менее негодование сдержать трудно... Я сама опытная садовница, — добавила она.

— Вы живете здесь? — спросила мисс Марпл с некоторым интересом.

— Ну, снимаю жилье у миссис Гастингс. Кажется, я слышала, как она говорила о вас. Вы и есть мисс Марпл, так ведь?

— Ну, да.

— Я живу у нее в качестве чего-то вроде компаньонки и садовницы. Кстати, моя фамилия Бартлетт... мисс Бартлетт. Здесь мне особенно нечего делать, — заявила мисс Бартлетт. — Миссис Гастингс занимается исключительно однолетниками, и только. Не во что как следует запустить зубы. — С этими словами она широко раскрыла рот, блеснув зубами. — Конечно, мне приходится исполнять и различные поручения. Ходить за покупками, например, и тому подобное. В любом случае, если вы хотите, я могла бы выделить для вас час или два. И думаю, окажу вам больше помощи, чем тот тип, который сейчас работает у вас.

— Это совсем нетрудно устроить, — согласилась мисс Марпл. — Больше всего я люблю цветы, овощи меня особо не интересуют.

— У миссис Гастингс скучно, но необходимо... Что ж, я справлюсь — Женщина окинула взглядом мисс Марпл с ног до головы, словно пытаюсь запомнить ее внешность, после чего приветливо кивнула и потопала дальше.

Миссис Гастингс? Мисс Марпл не могла припомнить никакой миссис Гастингс. Безусловно, она не принадлежала к числу ее старых подруг. А кроме того, никогда не была садоводом. И, конечно же, она живет в одном из недавно построенных домов в конце Гибралтар-роуд. В прошлом году туда въехали несколько семейств. Мисс Марпл вздохнула, снова с досадой посмотрела на свои ан-тирринумы, заметила несколько сорняков, которые надлежало искоренить, пару пышных побегов, дожидавшихся ее секатора, и в итоге, вздыхая, мужественно преодолевая искушение, завершила обход по дорожке и возвратилась в дом. Мысли ее вновь возвратились к мистеру Рэфьелу. Они, он и она, были... как это было написано в той книге, которую

так часто цитировали в дни ее молодости? Кораблями, проходившими мимо в ночи[3]... На самом деле весьма точная формулировка, если как следует подумать. Корабли, проходящие мимо в ночи... В ночи пришла она к нему, чтобы попросить... нет, потребовать помощи. Чтобы настоять на своем, чтобы сказать — нельзя терять времени. И он согласился, и дела сразу пришли в движение! Быть может, в этом случае она была похожа на льва? Нет. Нет, нельзя так говорить. Мисс Марпл ощущала не гнев. Скорее настойчивость... абсолютную необходимость немедленно навести должный порядок. И он понял ее.

Бедный мистер Рэфьел. Корабль, который прошел мимо в ночи, был интересным. А если привыкнуть к его грубостям, мог он сделаться вполне приемлемым человеком?.. Нет! Она тряхнула головой. Мистер Рэфьел никогда не смог бы стать приемлемым человеком. А посему следует выбросить его из головы.

Корабли, что минуют друг друга в ночи, На ходу говоря меж собою; Лишь сигнал, словно шепот далекий, звучит...

Должно быть, она никогда больше не вспомнит о нем. Разве что глянет проверить, не появится ли в «Таймс» некролог. Однако едва ли. Все-таки он не принадлежал к числу очень известных людей, подумала мисс Марпл. Был не знаменитым, а просто очень богатым. Конечно, некрологи многих людей публикуются в газетах просто потому, что они были очень богаты; однако богатство мистера Рэфьела, скорее всего, имело иное происхождение. Он не был знаменитым промышленным магнатом, не был великим финансовым гением или видным банкиром. Просто всю свою жизнь зарабатывал огромные деньги...

Глава 2

ПАРОЛЬ: «НЕМЕЗИДА»

Примерно неделя прошла после смерти мистера Рэфьела до того момента, когда мисс Марпл взяла письмо с поданного к завтраку подноса и целое мгновение смотрела на него, прежде чем распечатать. Остальные два письма, также пришедшие с утренней почтой, содержали собой счета или же расписки к счетам. В данном случае они не представляли заметного интереса. В отличие от этого письма.

Лондонский штемпель, напечатанный на машинке адрес, длинный, хорошего качества конверт... Мисс Марпл разрезала его ножом для бумаг, который всегда держала под рукой на подносе. Письмо отправлено было конторой «Господ Бродрибба и Шустера, нотариальных поверенных», обретавшейся в Блумсбери. Содержало оно изложенное вежливой юридической фразеологией приглашение посетить их заведение на следующей неделе, дабы обсудить возможно выгодный для нее вопрос. Предлагалась дата: четверг, 24-е число. Но если эта дата для нее неудобна, быть может, она известит их о том, когда посетит Лондон в самое ближайшее время. Пояснение гласило, что они являлись поверенными покойного мистера Рэфьела, с которым она, очевидно, была знакома.

Мисс Марпл нахмурилась в легком недоумении. Поднялась на ноги — медленнее, чем обычно, — обдумывая полученное письмо. Вниз по лестнице ей помогла спуститься Черри, постоянно дежурившая в холле для того, чтобы мисс Марпл не пришлось в одиночку претерпевать трудности, связанные со спуском по лестнице — старомодной, посреди марша поворачивавшей под острым углом.

— Ты очень внимательна ко мне, Черри, — проговорила мисс Марпл.

— Приходится, — обратилась Черри к своему любимому словесному обороту. — Хороших людей на свете немного.

— Ну, что ж, спасибо за комплимент, — поблагодарила ее мисс Марпл, благополучно утвердившись обеими ногами на полу первого этажа.

— Ничего не случилось, а? — поинтересовалась Черри. — Какая-то вы не такая, если можно так выразиться.

— Ничего особенного не произошло, — проговорила мисс Марпл. — Просто я получила неожиданное письмо из нотариальной конторы.

— А не подает ли кто-нибудь на вас в суд? — проговорила Черри, склонявшаяся к тому, чтобы считать письма от юристов неизменно связанными с какого-нибудь рода несчастьем.

— Ну, нет, не похоже на то, — ответила мисс Марпл. — Ничего подобного. Они просто попросили меня на следующей неделе посетить их лондонскую контору.

— Быть может, вам оставили крупное состояние? — с надеждой в голосе произнесла Черри.

— А вот это едва ли возможно, — заметила мисс Марпл.

— Никогда не скажешь заранее, — возразила Черри.

Усевшись в кресло и достав вязание из вышитой сумки, мисс Марпл принялась обдумывать вероятность того, что мистер Рэфьел оставил ей наследство. Идея эта теперь показалась ей еще более невероятной, чем когда Черри предложила ее. Мистер Рэфьел, по мнению мисс Марпл, был не из тех людей, кто способен на подобные жесты.

Однако предложенная дата не устраивала ее. Мисс Марпл планировала в этот день присутствовать на собрании Женского института[4], на котором предполагалось обсудить сбор денег на пристройку пары небольших дополнительных комнат. И потому ответила на письмо просьбой перенести встречу на один из дней следующей недели. Ответ пришел должным образом, и встреча была назначена. Интересно, каковы из себя господа Бродрибб и Шустер? Письмо на сей раз подписал Дж. Р. Бродрибб, очевидно являвшийся старшим партнером. Возможно, подумала мисс Марпл, что мистер Рэфьел в своем завещании оставил ей какую-нибудь памятку или сувенир. Наверное, какую-нибудь книжицу о редких цветах,

которая, по его мнению, могла порадовать старую, помешанную на садоводстве леди. А может быть, даже и оставшуюся от бабушки брошку с камеей... Фантазии эти развлекали ее. Всего только фантазии, подумала она, поскольку в каждом случае душеприказчики — если эти адвокаты таковыми являлись — могли просто отправить ей нужный предмет по почте. Никакого собеседования ситуация не требовала.

— Ладно, — проговорила мисс Марпл, — узнаю все в следующий вторник.

— Интересно, какая она, — обратился мистер Бродрибб к мистеру Шустеру, посмотрев на часы.

— Она должна прийти через час, — проговорил тот. — Но будет ли она пунктуальной?

— Ну, думаю, да. Насколько я понимаю, она — женщина немолодая и куда более педантичная, чем нынешние юные вертихвостки.

— Толстая или тощая? — продолжил расспросы мистер Шустер.

Мистер Бродрибб покачал головой.

— А Рэффел когда-нибудь описывал вам ее внешность? — спросил мистер Шустер.

— Он всегда был чрезвычайно уклончив во всем, что говорил о ней.

— Вся эта история кажется мне чрезвычайно странной, — заметил мистер Шустер. — Если бы мы только чуть больше знали о том, что она подразумевает...

— Скорее всего, — задумчивым тоном произнес мистер Бродрибб, — что все это каким-то образом связано с Майклом.

— Что? После стольких прошедших лет? Не может быть. С чего это пришло вам в голову? Или он упоминал...

— Нет, он ничего не упоминал. И не оставил мне никакого намека на то, что происходило в его голове. Просто ограничился одними инструкциями.

— А вам не кажется, что к концу своих дней он сделался, скажем так, чудаковатым?

— Ни в коей мере. В интеллектуальном отношении он сохранил столь же блестящий, как и прежде, ум. Физическое нездоровье никогда не могло подействовать на его умственные способности. За последние два месяца своей жизни он сумел сделать еще две сотни тысяч фунтов. Около того.

— У него был тонкий нюх, — заметил мистер Шустер с должным почтением. — Безусловно, у него был нюх.

— Ум крупного финансиста, — произнес мистер Бродрибб, также с приличествующей ситуации почтительной интонацией. — На свете не так уж много подобных ему людей... об этом остается только жалеть.

На столе звякнул звонок. Мистер Шустер взял трубку. Женский голос произнес:

— Мисс Джейн Марпл ожидает приема у мистера Бродрибба по предварительной договоренности.

Мистер Шустер посмотрел на партнера и поднял бровь, дожидаясь положительного или отрицательного решения. Мистер Бродрибб кивнул.

— Проводите ее, — сказал мистер Шустер в трубку. И добавил: — Теперь и увидим.

Мисс Марпл вошла в комнату. Навстречу ей с несколько меланхоличным выражением на лице поднялся джентльмен средних лет, худой и поджарый. Очевидно, это и был мистер Бродрибб, внешность которого некоторым образом противоречила имени^[5]. Рядом с ним находился джентльмен помоложе, обладавший заметно более округлым сложением. Под черными волосами поблескивали небольшие и проницательные глазки, замечен был находящийся в стадии роста второй подбородок.

— Мой партнер, мистер Шустер, — представил компаньона мистер Бродрибб.

— Надеюсь, что лестница не слишком утомила вас, — любезным тоном проговорил тот, подумав про себя: «Семьдесят — и то в лучшем случае, но скорее всего под восемьдесят».

— Я всегда чуть задыхаюсь, поднимаясь по лестнице.

— Наше здание не из новых, — извиняющимся тоном проговорил мистер Бродрибб. — Лифта нет. Однако мы представляем собой весьма известную фирму и не стремимся обзаводиться многими новомодными штучками, как бы ни хотели того наши клиенты.

— Эта комната обладает великолепными пропорциями, — вежливо похвалила мисс Марпл.

Она опустилась в пододвинутое ей мистером Бродриббом кресло. Мистер Шустер, стараясь быть незаметным, покинул комнату.

— Надеюсь, что вам удобно в этом кресле, — проговорил старший партнер.
— Не разрешите ли чуть подвинуть штору? Похоже, что солнце светит вам прямо в лицо.

— Благодарю вас, — произнесла с признательностью мисс Марпл.

Она сидела с прямой спиной, следуя давно заведенной привычке. На ней был легкий твидовый костюм, нитка жемчуга и небольшая, без полей, шляпка. Мистер Бродрибб сказал самому себе: «Провинциальная леди. Положительная особа. Пушистенская старушка. Может, уже чокнулась, может, нет. Но взгляд острый и пронизательный. Интересно, где это Рэффел подцепил ее... Должно быть, чья-то деревенская тетушка».

Пока эти мысли циркулировали в его голове, он приступил к преамбуле, и уместным образом обратившись прежде всего к погоде, перешел к плачевным результатам действия поздних заморозков в это время года и прочим, с его точки зрения, подобающим в подобном случае темам.

Кротко дожидаясь перехода от прелюдии к делу, мисс Марпл отвечала соответствующим ситуации образом.

— Вас, конечно, интересует причина нашего приглашения, — с доброжелательной и уместной улыбкой произнес мистер Бродрибб, положив перед собой несколько бумаг. — Вы, конечно, уже слышали о кончине мистер Рэфьела или, быть может, читали о ней в газете...

— Я прочла газетное объявление, — отметила мисс Марпл.

— Насколько я понимаю, он был вашим другом.

— Мы познакомились чуть больше года назад, — пояснила мисс Марпл и сразу добавила: — В Вест-Индии.

— Ах, так? Помню. Он отправился туда, рассчитывая в тепле поправить свое здоровье. Быть может, поездка в чем-то и помогла ему... впрочем, он был уже очень болен, настоящий калека, как вам известно.

— Да, — согласилась мисс Марпл.

— Вы его хорошо знали?

— Нет, — ответила она, — я бы так не сказала. Мы с ним оказались постояльцами одного отеля. Иногда разговаривали друг с другом. После возвращения в Англию я больше не встречалась с ним. Видите ли, я веду тихую жизнь в сельской местности, а он, насколько я понимаю, был полностью поглощен своим бизнесом.

— Он продолжал заключать сделки до самой... да, готов сказать: действительно до самого последнего дня своей жизни, — проговорил мистер Бродрибб. — Это был истинно одаренный финансист.

— Нисколько не сомневаюсь в этом, — согласилась мисс Марпл. — Я достаточно скоро поняла, что он был к тому же... весьма выдающейся личностью.

— Не знаю, имеете ли вы какое-нибудь представление о том, какое предложение я должен вам сделать согласно воле мистера Рэфьела... не намекал ли он вам каким-то образом на свои намерения в вашем

отношении?

— Не могу даже представить себе, — проговорила мисс Марпл, — какого рода предложение собирался сделать мне мистер Рэффел. Подобное желание с его стороны кажется мне едва ли вероятным.

— Он придерживался очень высокого мнения о вас.

— Это очень любезно с его стороны, но едва ли оправдано, — возразила мисс Марпл. — Я женщина очень простая.

— Как вы, вне сомнения, понимаете, скончался он очень богатым человеком. Пункты его завещания нельзя назвать сложными. Он распорядился своим состоянием за некоторое время до смерти. Фонды и всякая благотворительность.

— Полагаю, что в наши дни это весьма обыденная процедура, — проговорила мисс Марпл, — хотя я совершенно не сведуща в экономике.

— Я пригласил вас сюда для того, чтобы сообщить вам о том, что для вас в его завещании предусмотрена некая сумма, — продолжил мистер Бродрибб, — которая полностью перейдет в ваше распоряжение через один год, — однако при условии, что вы примете определенное предложение, с которым я обязан вас ознакомить. — Взяв со своего стола продолговатый запечатанный конверт, он передал его мисс Марпл. — Полагаю, что будет лучше, если вы сами ознакомитесь с его содержанием. Не торопитесь. Спешить нам некуда.

Мисс Марпл торопиться не стала. Приняв небольшой ножик для разрезания бумаг, предложенный ей мистером Бро-дриббом, она взрезала конверт, извлекла его содержимое, оказавшееся единственным листом с текстом, отпечатанным на машинке, и прочла его, а потом сложила. После чего снова развернула, перечитала и посмотрела на мистера Бродрибба.

— Это предложение трудно назвать конкретным. Нет ли у вас каких-нибудь пояснений к нему?

— Насколько мне ведомо — нет. Я должен был вручить вам этот конверт и назвать завещанную сумму. Речь идет о двадцати тысячах фунтов, не облагаемых налогом на наследство.

Мисс Марпл, не сходя с места, круглыми глазами уставилась на адвоката. Удивление буквально лишило ее дара речи. Мистер Бродрибб молчал, пристально наблюдая за гостьей. В подлинности ее реакции усомниться было невозможно. Нетрудно было понять, что мисс Марпл совершенно не рассчитывала услышать подобное предложение. Мистер Бродрибб попытался представить, какими будут ее первые слова. Она посмотрела на него с прямоотой и строгостью, достойной одной из его собственных теток, и едва ли не с возмущением проговорила:

— Это очень большие деньги.

— Не такие большие, как прежде, — заметил мистер Бродрибб (с трудом удержавший себя от того, чтобы сказать: «Практически гроши»).

— Вынуждена признаться, — продолжила мисс Марпл, — что я изумлена. Откровенно говоря, обескуражена. — Взяв в руки документ, она старательно еще раз перечитала его и спросила: — Надо думать, вам известно содержание этого письма?

— Да. Мистер Рэффел сам надиктовал его мне.

— И при этом он не давал никаких пояснений?

— Нет, не давал.

— Но вы, конечно, хотя бы намекнули ему, что будет лучше, если он все-таки сделает их? — проговорила мисс Марпл уже с легкой едкостью в голосе.

Мистер Бродрибб чуть улыбнулся

— Вы правы. Именно так я и поступил. Я сказал, что вам будет сложно понять, к чему он клонит.

— Замечательно, — проговорила мисс Марпл.

— Конечно, не стоит думать, что вы обязаны дать мне ответ прямо сейчас, — сказал мистер Бродрибб.

— Безусловно, — согласилась мисс Марпл, — мне необходимо

поразмыслить над этим предложением.

— Как вы уже говорили, это значительная сумма...

— Я старая женщина, — произнесла мисс Марпл. — Теперь принято говорить «пожилая», однако «старая» будет точнее. Достаточно старая. Ведь вполне возможно, и даже вероятно, что я не сумею дожить до конца этого года, чтобы получить эти деньги — в том сомнительном случае, если вдруг сумею заработать их?

— Деньги не следует презирать в любом возрасте, — заметил мистер Бродрибб.

— Я могла бы пожертвовать их на интересующие меня благотворительные мероприятия, — продолжила мисс Марпл, — а кроме того, рядом с нами всегда остаются люди... люди, для которых хочется хоть что-нибудь сделать, хотя собственные средства не позволяют этого. И я не стану говорить, что не имею таких желаний и удовольствий, которые хотела бы позволить себе — но не имею для этого нужных средств. Полагаю, что мистер Рэфьел прекрасно понимал, что открывшаяся внезапно в этом отношении возможность способна доставить пожилой особе изрядное удовольствие.

— Да, в самом деле, — согласился мистер Бродрибб. — Быть может, вас заинтересовала бы поездка за границу? Один из доступных сегодня великолепных туров. А также театры, концерты, возможность наполнить свои погребки...

— Мои запросы будут более умеренными, — задумчивым тоном проговорила мисс Марпл. — Начнем с куропаток... в наши дни их трудно найти, а кроме того, они дороги. Я с большим удовольствием лично съем куропатку — целиком. Коробка засахаренных каштанов также не часто бывает мне по карману. Возможно, нанесу визит в оперу. Это означает такси до Ковент-Гарден и обратно, а также ночлег в отеле... Впрочем, не стоит заниматься праздной болтовней. Я возьму эту бумагу с собой и поразмыслю над ней. Не знаю, что именно заставило мистера Рэфьела... у меня нет ни малейшего представления о том, почему он сделал мне именно это предложение и почему решил, что я способна быть каким-то образом полезной ему. Он не мог не знать, что с момента нашей последней встречи

прошел год, нет, почти два года, и что я могла еще больше одряхлеть, и в еще большей степени утратить свои прежние способности. Он рисковал. Ведь есть же и другие люди, куда больше пригодные для выполнения подобного расследования?

— Откровенно говоря, так нетрудно подумать, — согласился мистер Бродрибб, — однако он выбрал именно вас, мисс Марпл. Простите меня за праздное любопытство, но не имели ли вы — как это сказать — какого-нибудь отношения к преступлениям или их расследованию?

— Строго говоря, я должна сказать: не имею и не имела, — проговорила мисс Марпл. — Во всяком случае, профессионального. Я никогда не была офицером, контролирующим условно освобожденных, не заседала в суде, не была сотрудницей детективного агентства. Чтобы объяснить причину этого поступка, мистер Бродрибб, что с моей стороны просто необходимо и что, по моему мнению, должен был сделать мистер Рэфель, я могу сказать только одно: во время нашего пребывания в Вест-Индии нам с мистером Рэфелем пришлось иметь дело с происшедшим там преступлением. Весьма необычным и запутанным убийством.

— И вы с мистером Рэфелем нашли убийцу?

— Я бы сказала несколько иначе, — возразила мисс Марпл. — Мистер Рэфель, за счет присущей его личности силы, и я, сумевшая сопоставить пару подмеченных мной вполне очевидных свидетельств, сумели предотвратить уже подготовленное второе убийство. Действуя без такого партнера, я не смогла бы этого сделать из-за своей слабости. Мистер Рэфель, как калека, тоже не справился бы с делом в одиночку. Мы выступали в качестве союзников.

— Мне хотелось бы задать вам еще один вопрос, мисс Марпл. Слово «Немезида» что-то говорит вам?

— Немезида, — задумчиво проговорила мисс Марпл. Это был не вопрос. На лице ее очень неторопливо появилась неожиданная улыбка. — Да, — проговорила она, — оно кое-что говорит мне. И кое-что значит для меня, как значило и для мистера Рэфеля. Я сказала ему это слово, и он весьма развеселился, услышав, что под Немезидой я подразумеваю себя.

Мистер Бродрибб ожидал услышать что угодно, но только не это. Он

устремил на мисс Марпл столь же недоуменный и озадаченный взор, как и тогда мистер Рэфель в своей спальне на берегу Карибского моря. Тихая интеллигентная старая леди. И надо же... Немезида!

— Нисколько не сомневаюсь в том, что вы испытываете похожие чувства, — проговорила мисс Марпл, поднимаясь на ноги. — Мистер Бродрибб, если вам случится найти или получить любые дополнительные инструкции по этому поводу, прошу по возможности известить меня. Удивительно, что у вас нет ничего подобного. И потому я остаюсь в полном недоумении относительно того, что именно должна сделать или хотя бы попытаться сделать, по мнению мистера Рэфела.

— Вы не знакомы с его родными, друзьями, его...

— Нет. Я же сказала вам. Мы познакомились случайно, встретившись в дальнем уголке мира. После чего в качестве союзников поучаствовали в одном таинственном деле. Вот и всё. — Уже собираясь направиться к двери, она вдруг повернулась и спросила: — У него была секретарша, миссис Эстер Уолтерс. Не сочтете ли вы нарушением этикета, если я спрошу, не оставил ли ей мистер Рэфель пятьдесят тысяч фунтов?

— Его завещание будет опубликовано, — ответил мистер Бродрибб. — Но я могу ответить утвердительно на ваш вопрос... Кстати, миссис Уолтерс теперь стала миссис Андерсон. Она снова вышла замуж.

— Рада слышать. Она осталась вдовой с одной дочерью — и, похоже, была очень хорошей секретаршей. Она прекрасно понимала мистера Рэфела. Хорошая женщина. Рада слышать, что он ее не забыл.

...Тем вечером мисс Марпл, сидя в своем кресле с прямой спинкой и протянув ноги к камину, в котором на дровах горело неяркое пламя, прогонявшее прохладу, способную по собственной прихоти в любой момент осенить Англию, вновь достала из продолговатого конверта врученный ей утром документ. Все еще не совсем доверяя себе, она принялась читать его вслух, негромко повторяя под нос слова, словно бы стремясь впечатать их в свою память.

Мисс Джейн Марпл, жительнице деревни Сент-Мэри-Мид.

Это письмо будет доставлено вам после моей смерти любезным попечением моего поверенного, Джеймса Бродрибба. Услугами этого человека я пользуюсь для разрешения тех легальных вопросов, которые возникают в моих личных делах, но не в деловой активности. Это здравомыслящий и достойный доверия адвокат. Подобно большинству представителей рода людского, он подвержен греху любопытства. Я не удовлетворил его. В некоторых отношениях это дело останется между мной и вами. Нашим паролем, моя добрая леди, является «Немезида». Не думаю, что вы успели забыть то время и те обстоятельства, когда произнесли его в моем присутствии. По ходу своей деловой деятельности за теперь уже достаточно долгую жизнь я научился находить некое качество в человеке, которого намереваюсь принять на работу. Он должен обладать определенным талантом, особым чутьем, необходимым для той работы, которую я хочу чтобы он сделал для меня. Это не знания, это не опыт. Дар — единственное подходящее в этом отношении слово. Естественная способность к выполнению определенных вещей.

Вы, моя дорогая, если я вправе называть вас подобным образом, обладаете естественным чутьем справедливости, которое и привело вас к реализации природного таланта криминалиста. Я хочу, чтобы вы расследовали некое преступление. Я распорядился, чтобы определенную сумму разместили таким образом, что, если вы примете мое предложение и в результате вашего расследования будет пролит свет на обстоятельства этого дела, деньги полностью перейдут в ваше распоряжение. Я отвел вам один год на выполнение моего задания. Вы не молоды, но вы, если так можно выразиться, человек крепкий. Полагаю, у меня есть основания надеяться, что судьба оставит вас в живых как минимум на один год.

Думаю, что предлагаемая работа не покажется вам неприятной. Должен сказать, что вы наделены природным дарованием сыщика-криминалиста. Необходимые средства — так сказать, рабочий капитал для проведения настоящего расследования — по мере нужды будут переводиться вам все это время. Я предлагаю вам это занятие в качестве альтернативы той жизни, которую вы ведете в настоящее время.

Я представляю вас сидящей в кресле, вполне удобном и соответствующем той форме ревматизма, которой вы, вероятно, стра-

даете. По моему мнению, все персоны вашего возраста страдают от какого-нибудь варианта этой болезни. Если эта хворь поразила ваши колени или спину, если вам трудно передвигаться, свое время вы посвящаете в основном вязанию. Я вижу вас окруженной облачком розовой шерсти, какой увидел однажды поднятым ото сна благодаря вашей настойчивости. Я представляю вас вяжущей кофты, шали и разные прочие вещи, названия которых остаются за пределами моего ведения. Если вы предпочтете оставаться за вязанием — не имею никаких возражений. Если же решите послужить делу правосудия, надеюсь, что вы, во всяком случае, сочтете мое предложение интересным.

«Пусть, как вода, течет суд, и правда — как сильный поток!» (Ам. 5:24)

Глава 3

МИСС МАРПЛ БЕРЕТСЯ ЗА ДЕПО

I

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)